

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

ББК 63.3(4Чеш); УДК 94(437); DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.201

Г. П. Мельников

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕШСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

В современной отечественной исторической науке в последнее время ведется интенсивная дискуссия о таком явлении, понятии и термине, как «нация» применительно к Средневековью и раннему Новому времени¹. Поскольку феномен современных наций

¹ Этой теме в последние годы посвящены семинары, проводимые М. В. Дмитриевым в Высшей школе экономики, ИВИ РАН и Институте славяноведения РАН в Москве. Эта же тема рассматривалась на круглом столе, организованном в 2010 г. в СПбУ. См.: Круглый © Г. П. Мельников, 2017

связывается со становлением капиталистического общества, в чем можно видеть сохраняющуюся зависимость наших исследователей от концепции Маркса–Энгельса, то применительно к предшествующему периоду предлагаются такие термины, как «протонация», «средневековая нация» и т. п. Очевидно, что в этой дискуссии весьма плодотворным будет обращение к исследованию такой категории, как идентичность. Как сами себя определяли средневековые этно-государственные коллективы? Как в этническом плане позиционировал себя конкретный средневековый социум? Какова была его историческая память? На эти и подобные им вопросы ответы следует искать в аутентичных письменных источниках, авторы которых отражали те реальности сознания, которые мы, исследователи, пытаемся вместить в интеллектуальные конструкции и схемы, свойственные нашему — современному — сознанию. Также необходимо иметь в виду, что сознание собственной идентичности, т. е. понимание того, «кто мы такие», на протяжении исторического времени значительно трансформировалось. Путь от племенного сознания к национальному и государственному в целом прослежен и хорошо изучен, однако остается еще много вопросов и конкретных феноменов, представляющих большой интерес для исследования проблем этнической, национальной и государственной идентичности. В этом плане важный материал дает изучение исторических трансформаций идентичности чехов в большое историческое время от раннего Средневековья до раннего Нового времени. В данной работе мы попытаемся обозначить основные направления этой трансформации. Также подчеркнем чешскую специфику, особость, манифестантным выражением которой стала первая в Европе национальная реформация — гусизм и гуситское движение / гуситская революция, составляющая сущность понятия «чешская аномалия», введенного в науку крупнейшим чешским историком-медиевистом Франтишеком Шмагелем в 1970-е гг.

Идеологема чешской этнической, государственной и исторической идентичности формируется уже в XI–XII вв., как свидетельствуют главные нарративные тексты этого периода. Кроме знаменитой «Чешской хроники» Козьмы Пражского к ним относится «Легенда Кристиана». В датировке этого памятника X веком я согласен с доказательствами, приводимыми в работах Д. Трештика² и Й. Жемлички³, учитывая, что повествование о св. Людмиле было написано в XII в., как показал П. Кубин⁴. Таким образом, как я полагаю, итоговая редакция «Легенды Кристиана» возникла в XII в., но рассказ о св. Вацлаве восходит примерно к середине X в.

В X–XII вв. в чешском социуме уже имеются четкие представления о своем языке и племени (*gens Bohemorum/jazyk český*), о своем происхождении (легенда о приходе праотца Чеха на территорию современной Чехии), о возникновении чешской государственности благодаря браку лидера племени чехов пророчицы Либуше с пахарем

стол «Этническая идентичность в странах Центральной и Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 243–245.

² *Třeštík D.* Deset tezí o Kristiánově legendě // *Folia Historica Bohemica*. 2. Praha, 1980. S. 7–38.

³ *Žemlička J.* Čechy v době knížecí. Praha, 2007. S. 41.

⁴ *Kubín P.* Znovu o Kristiána // *Od knížat ke králům*. Sborník u příležitosti 60. narozenin Josefa Žemličky. Praha, 2007. S. 63–72.

Пршемыслом), о длительной власти династии Пршемысловцев, о чешском «национальном» святом князе Вацлаве (из этой же династии), о включенности чешского княжества в европейское политическое и религиозное пространство, о борьбе за сохранение государственной самостоятельности, о единстве своего государственного организма. Таким образом, перед нами целый комплекс представлений общества о себе, включающий главные компоненты идентичности. Чешский социум в сочинении Козьмы Пражского, основной и лучшей хронике чешского Средневековья, понимается как единый этно-государственный организм, в основе которого лежит этногенетическое, этатизационное и историческое предание, что не имеет аналогов в идеологии этатизационных и национальных процессов в остальной раннесредневековой Европе. Поэтому можно констатировать, что прогресс в формировании чешской идентичности несколько опережал аналогичные процессы у других европейских народов. Каждый из обозначенных выше компонентов чешской идентичности представляет собой важный пласт коллективного самосознания и самоидентификации народа / нации, поэтому рассмотрим их по отдельности.

Чешский этнос четко осознает, что его члены говорят на одном языке — чешском, поэтому чехи являются цельным этно-языковым массивом, единым по своему происхождению. Средневековый латинский термин *gens* означает, как известно, и этнос, и его язык. Другими словами, язык и этническая принадлежность в это время составляют неразрывную целостность. Так позиционируют свою этно-языковую принадлежность сами носители, так они воспринимаются и окружающим их миром. Тожественность эндогенной и экзогенной детерминанты акцентирует не только целостность чешского «племени», т. е. этно-социального организма в плане его этно-языкового сознания, но и восприятие его как самостоятельной целостности его соседями.

Этногенетический миф сформировал у чехов дополнительное представление о своей «общенациональной» целостности и о начале общей исторической традиции. Средневековое понятие *gens* было детерминировано общим происхождением данного сообщества людей. В чешском случае данная общность дополнительно подчеркивается именем прародителя, которое является самоназванием племени и названием его языка. Праотец Чех, согласно хроники Козьмы Пражского, дает свое имя всему сообществу людей, приведенных им на территорию будущего их расселения, которая также получает название по его имени, ставшим этнонимом этого сообщества. Благодаря эпониму получилось так, что чехи заселили Чехию.

Более того, праотец Чех пришел вместе со своим кланом, который и назвался чехами, поэтому Чех является общим предком всех чехов. Поэтому все они — «семья», *familia*, связанная родственными отношениями, включая, очевидно, и т. н. фамилиаров — инкорпорированных в клан людей более низкого социального статуса, не связанных с кланом родственными узами, т. е. так, как это было в Древнем Риме, о чем очень образованный Козьма не мог не знать. Таким образом первоначально племя чехов понимается ими самими как родственно-этническо-языковая целостность. Идеологема кровного родства, одной большой семьи является фактором, сплачивающим чехов также в социальном плане. Имущественная дифференциация, которая неизбежно возникает, и выделение слоя знати не разрушает этой целостности.

Об этом свидетельствует сохранение органа самоуправления — собрания «всех чехов» (термин источника), некоего аналога древнерусского веча. Этот орган будет

реально существовать очень долго, на всем протяжении княжеской власти (до XIII в.), приняв форму собрания оптиматов, нобилей — знатных людей, представляющих все общество, т. е. ставших в ходе естественных социальных процессов высшим слоем общества, от имени которого они оказывали давление на княжескую власть, отстаивая свои интересы. Они, естественно, называли себя «чехами». На этом основании чешские историки, крупнейшие специалисты по раннему Средневековью Д. Трештик и Й. Жемличка считают, что этноним «чехи» применим только к этому социальному слою и даже ставят его в кавычки⁵. По их мнению, «чехи» — это дружина и знать, сформировавшаяся на ее основе. Вопрос об этническом обозначении крестьянства они обходят стороной. Это явно нарушает то понимание чешской идентичности как клана праотца Чеха, которое четко выражено в начале «Чешской хроники» Козьмы Пражского.

Важным элементом чешской идентичности и исторической традиции является тот географический пункт, в котором, по легенде, остановился пришедший на эту землю со своим кланом праотец Чех. Это гора Ржип в Центральной Чехии. Почему именно она была выбрана народным сознанием, зафиксированным Козьмой, именно в таком качестве, современным исследователям не очень понятно⁶. Тем не менее именно Ржип, а не столица чешского государства Прага, не Пражский Град как центр государственной власти, в дальнейшем становится символом чешской идентичности, причем сохраняет эту функцию вплоть до наших дней⁷. В XI–XII вв. гора Ржип, понимаемая как исторический центр чешской земли, сакрализуется постройкой на ее вершине костела, в 1126 г. перестроенного в романском стиле как репрезентативное трехъязычное церковное здание. Оно не имело собственно церковного значения, но выполняло функцию исторического знака. О большой значимости постройки нового костела свидетельствует то, что его освящение проводил моравский епископ Здик⁸.

Следующей доминантой идентичности чехов, непосредственно детерминировавшей их государственное сознание, является легенда о призвании Пршемысла-пахаря на княжение, т. е. легенда об основании чешского государства. Эта раннесредневековая этатизационная легенда обладает рядом специфических черт, резко выделяющих ее на фоне преданий о возникновении государственности и правящей династии у других народов. Легенда впервые подробно изложена Козьмой Пражским. Последующие хронисты обязательно пересказывали ее, добавляя новые подробности и смыслы для ее политической актуализации⁹. Согласно тексту Козьмы, пророчица и лидер племени чехов Либуше, происходящая из рода праотца Чеха, по требованию чехов, выраженному на общем собрании, избрала себе в мужа и тем самым в князья племени чехов пахаря Пршемысла. «Вече» признало его в новом статусе. Таким образом был заключен договор (естественно, устный) между племенем чехов и одним из его членов пахарем

---

⁵ Přemyslovci. Budování českého státu / Eds. P. Sommer, D. Třeštík, J. Žemlička. Praha, 2009.

⁶ Přemyslovci. S. 71.

⁷ Мельников Г. П. Проблема национально-культурной идентичности в самосознании чешской культуры начала XXI в. // *Obraz človeka v súčasnej slovanskej dramatickej literatúre*. Bratislava, 2013. S. 69.

⁸ Pokračovateli Kosmovi. Praha, 1974. S. 40.

⁹ Мельников Г. П. Чешская этатизационная легенда в средневековой хронистике // *Вестник славянских культур*. 2014. № 2. С. 9–31.

Пршемыслом, становившимся его первым князем, основавшим династию Пршемысловцев, правившую Чешским государством вплоть до 1306 г., о чем Козьма, конечно, не мог знать.

Для формирования и трансляции чешской идентичности чрезвычайно важны следующие аспекты этатизационной легенды. Государственная монархическая (княжеская) форма правления устанавливается по инициативе самих чехов, всего племени. Нет ни завоевания чужеземцами, ни призвания их на правление, ни узурпации власти одним из знатных родов. Основатель династии выбирается из своего этноса, поэтому он кровно, генетически с ним связан. Князем становится пахарь, т. е. представитель крестьянства, а не знати. Как известно из современных исследований, фигура пахаря в традиционных культурах наделена многими чертами и смыслами, придающими ей определенную сакральность¹⁰. Однако средневековый христианский хронист не придает этому значения. Он акцентирует другое — прстонародное происхождение первого князя, основателя династии, вкладывая в его уста речь, обращенную к своим потомкам, о том, чтобы они не забывали своего крестьянского происхождения и не впадали в гордыню. Символами происхождения династии Пршемысл избирает лапти и суму лыковую¹¹. Социогенез династии Пршемысловцев акцентирует ее связь с простым народом, что содействует успешному функционированию идеологемы единства правителя и народа. Зависимость монарха от народа выражена в представлении о выборности князя. Точнее, эта проблема, впервые фигурирующая в той же «Чешской хронике» Козьмы Пражского, так и не будет в дальнейшем решена чешским государственным правом. Реально сформировалась дихотомия: князь передает свою верховную власть по наследству (сыну или старшему в роде), но собрание «всех чехов» обязательно должно утвердить избрание этого кандидата. Без этого акта власть пражского князя нелегитимна. Данная дихотомия подчеркивает роль «всех чехов», под которыми следует понимать прежде всего знать, вельмож и дружинников, в вопросе престолонаследия, что также содействует сплочению чешского этно-политического организма на идеологическом уровне. В целом пршемысловская легенда объединяла общество, укрепляла его вертикальные связи, акцентировала автохтонность правящей династии и ее тесную связь со своим этносом. В ценностном отношении она служила, пользуясь более поздним выражением, основой «национальной гордости» чехов.

Легенда о Либуше и Пршемысле стала основой исторической традиции чехов, отраженной в чешской хронистике Средневековья и раннего Нового времени. Чрезвычайная длительность правления династии Пршемысловцев придавала устойчивость этой традиции. Сформировался целый свод исторических повествований о правителях Чехии, начатый очень подробным нарративом Козьмы Пражского в начале XII в. и продолженный другими хронистами вплоть до второй половины XIV в. После перерыва, вызванного гуситским движением в XV в., эта историческая традиция вновь появляется в сочинениях авторов XVI – первой половины XVII в. В этой исторической традиции важны рассказы хронистов о борьбе Чешского государства за сохранение своей государственной самостоятельности от внешних врагов. При этом возникает

---

¹⁰ Петрухин В. Я. Пахарь // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 650–652; Třeštík D. Mýty kmene Čechů. Praha, 2008. S. 113–124.

¹¹ Kosmova Kronika česká. Praha, 1972. S. 20–23.

довольно сложная проблема, связанная с вхождением Чешского княжества в X в. в состав Священной Римской империи. Хронисты активно отстаивают тезис о сохранении за Чехией значительного объема прав и привилегий, о противостоянии вмешательству императоров в чешские дела; они осуждают тех чешских князей, затем королей, которые при помощи интриг при императорском дворе стремились занять чешский трон. Инкорпорированность Чехии в Империю, как представляется на основе изучения текстов хроник, усиливала то чувство, которое следует обозначить современным термином этнопатриотизм. Поэтому хронисты не одобряют наделение чешских князей королевским титулом (двукратно), так как это исходило от императора и лишь осложняло внутривосточную жизнь в самой Чехии. Историческая традиция как таковая включала в себя также образ идеального монарха и изложение исторических событий (деяний), в котором присутствовали элементы христианской этики и назидания. Историческая традиция стала неотъемлемой частью самосознания чешского социума, формируя его представления о самом себе.

В этих представлениях значительное место занимает идея государственного единства. Постепенно, к XIV в., в государственной идеологии, праве и практике складывается представление о Чешском государстве, состоящем из нескольких земель. В понятие «земли Чешской короны» входят собственно Чехия, маркграфство Моравия, княжества Силезия и Лужицы. Собственно Чехия, естественно, занимает первенствующее место, остальные земли называются «окрестными» («vedlejší»). В таком понимании государства как союза земель короны проявляется государственный, а не династический подход. Это не земли, принадлежащие правящему королю, а земли, составляющие объединение более высокого ранга, имеющее определенный сакральный смысл. Иными словами, государство, символизируемое короной, выше монарха, который им правит.

Фактором первостепенной важности, оказавшим влияние на складывание идеологии чешскости, идентичности «средневековой нации», стал культ святого князя Вацлава, правившего в первой половине X в.¹² В XI–XII вв. он приобрел специфические черты, сделавшие его доминантой чешского сознания. Это первый чешский «национальный» святой, канонизированный католической церковью, что вводило чехов в европейское церковно-христианское пространство на равноправной основе. При этом Вацлав — князь, реальный исторический персонаж, правитель Чехии. Тем самым появлялся образ идеального христианского правителя как эталон для подражания. Князь Вацлав — член династии Пршемисловцев, и хотя он не имел прямых потомков, его канонизация резко поднимала престиж всей династии, несмотря на то, что он был убит по приказу родного брата Болеслава, ставшего затем князем. «Кайнов грех» был искуплен перенесением останков Вацлава на Пражский Град в основанный им костел св. Вита. Постепенно складывается особое почитание св. Вацлава. Он считается небесным патроном всех чехов и «вечным правителем» Чехии, правящий князь которой как бы временно выполняет земные обязанности святого князя, пребывающего на небесах. Все чехи, т. е. этно-социальный организм, рассматриваются как «семья» («familia») св. Вацлава. Это очень важная идеология, поскольку чешский этно-социальный организм считается единым целым, связанным «семейными» узами. В этом смысле «семья святого Вацлава» идеологически наследует клану праотца Чеха, перенося в эпоху христианства идею родственно-этниче-

---

¹² См. новейший коллективный труд чешских ученых: Svatý Václav. Praha, 2010.

ской целостности чешского народа. Эта идея святовацлавской «семьи» на теоретическом уровне снимает социальные противоречия между слоем знати, дружинников, оседавших на землю и превращавшихся в шляхту (дворянство), и крестьянством, также входящем в эту «семью». Тем самым данная идеологема способствовала укреплению сознания целостности чешского общества. Всенародное почитание св. Вацлава превращает его фигуру в один из главных маркирующих знаков чешской идентичности, причем как в сознании самих чехов, так и в восприятии других народов. Культ св. Вацлава также имеет сакрально-государственный аспект, состоящий в объединении государственной и сакральной идей в целостную идеологему «народа святого князя Вацлава», наследники которого как бы по его поручению правят государством и обществом.

Отмеченные выше факторы чешской идентичности сформировались в целом еще в раннем Средневековье. В XIV в. начинается их заметная трансформация, имевшая следствием усиление сознания чешскости и приобретение ею некоторых новых черт. Это во многом связано с историческими условиями. Избрание чешским королем представителя иностранной династии Люксембургов Иоганна (Яна) в начале XIV в. и его активное включение в европейскую политику вызвало необходимость акцентирования чешской идентичности. Ее отстаивание приобретает антинемецкие черты, хотя активное проникновение немецкого этноса в Чешское королевство началось еще в XIII в. благодаря процессу городской и сельской колонизации, инициированному по экономическим и демографическим причинам королевской властью и крупными землевладельцами. В начале XIV в. появляется чешскоязычная стихотворная хроника так называемого Далимила, в которой более обширно и подробно изложен чешский этногенез и обосновывается антинемецкая, даже германофобская позиция. Последнее обстоятельство дает основания современным историкам говорить о «националистическом» типе сознания, выраженном хронистом, что значительно опережало в этом плане сознание других европейских народов¹³. Чешское этническое самосознание приобретает новый, антинемецкий аспект, который на протяжении столетий будет только усиливаться, дойдя после спада в эпоху барокко до своего апогея в XIX в., в эпоху Национального возрождения.

В период правления чешского короля и императора Священной Римской империи Карла IV (1346–1378) трансформации чешской идентичности были весьма значимы. Карлом IV была разработана новая для Средневековья концепция верховной светской власти, основательно изученная историками¹⁴. В системе Империи Чешское королевство становилось доменом, основой экономического и политического могущества Карла IV во всей Империи. Такое положение имело ряд последствий, непосредственно повлиявших на изменение чешской государственной идеологии и самосознания чехов¹⁵. По «Золотой булле» Карла IV Чешское королевство занимало первое место среди других государственных субъектов Империи, оставаясь при этом в минимальной степени интегрированным в структуру Империи. Прага становилась фактической столицей

---

¹³ Мельников Г. П. Чешская общественная мысль XIV в. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. М., 2014. С. 355–364.

¹⁴ Обзор историографии см.: Там же. С. 364–430.

¹⁵ Мельников Г. П. Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 205–215.

Империи, а новая резиденция Карла IV замок Карлштейн — символом верховной власти, находящейся в тесном союзе с церковью и под высшим покровительством самого Иисуса Христа. Этой идее была подчинена вся концепция и композиция Карлштейна, высшей точкой которого в топографическом и идеологическом плане стала капелла св. Креста¹⁶. Божественное покровительство Карлу IV также выражалось в том, что благодаря инициативе монарха — фанатичного почитателя и собирателя святых реликвий (мощей святых и других объектов) — Прага и Карлштейн стали одним из важнейших мощехранилищ Европы. Тем самым, по средневековым представлениям, над страной и ее властителем концентрировалось небесное покровительство святых заступников, которые в день Страшного суда явятся во плоти в то место на земле, где хранятся их мощи¹⁷. Чехия фактически превратилась в новый государственно-религиозный центр всей Империи.

Хорошо известные фондации Карла IV (Карлов университет, Карлов мост, готический собор св. Вита с особой капеллой св. Вацлава, Карлштейн, Новый Город Пражский, монастырь На Слованех с культом свв. Кирилла и Мефодия и чешских земских святых) дали сильнейший импульс росту чешского самосознания. В сочетании с превращением Чехии и Праги в центр всей Империи это давало чехам сознание своего особого положения не только в Империи, но и во всем христианском универсуме. Действительно, при Карле IV Прага в идеологическом смысле стала позиционироваться как Новый Иерусалим и второй Рим¹⁸.

Такое изменение статуса имело следствием поднятие на новый уровень таких компонентов идентичности, как этническое, историческое и «национальное» церковно-религиозное сознание. По заказу Карла IV пишутся новые чешские хроники, в задачи которых входила актуализация исторического прошлого чехов, поднятие исторического сознания на более высокий уровень с точки зрения патриотизма при одновременном инкорпорировании чешской истории во всемирную историю в ее средневековом понимании. Обобщая идеологемы, содержащиеся в таких чешских хрониках эпохи Карла IV, написанных по его заказу, как сочинения Франтишека Пражского, Пршибика Пулкавы, Бенеша Крабицы и итальянского аббата Мариньолы, можно сделать следующие выводы¹⁹.

В плане этногенеза чехи являются «славным» народом, происходящим от великих народов древности, прежде всего от греков. Более того, чехи имеют мифологическое происхождение от властителя Элизиума. Это делает их народом «солнечным». Чехи принадлежат к славянскому макроэтносу, само название которого — «славяне / словене» — этимологизируется от слов «слава» и «слово». Первая этимология дополнительно подчеркивает статус чехов как «славного» народа, вторая же апеллирует к евангельской фразе о Бого-Слове (Ин 1, 1), что позволяет рассматривать чехов как народ богоизбранный, богоносный.

В исторической традиции вновь актуализируется легенда о Либуше и Пршемыслепахаре, так как отец Карла IV Иоганн Люксембург для избрания чешским королем

---

¹⁶ Magister Theodoricus. Dvorní malíř císaře Karla IV. Umělecká výzdoba posvatných prostor hradu Karlštejna. Praha, 1997; Kuthan J., Poyt J. Karel IV. Praha, 2016. S. 99–136.

¹⁷ Kuthan J., Poyt J. Karel IV. S. 581–626.

¹⁸ Kubínová K. Imitatio Romae. Karel IV a Řím. Praha, 2006.

¹⁹ Подробнее см.: Мельников Г. П. Чешская общественная мысль... С. 365–384.

должен был взять в жены дочь покойного короля Вацлава II прекрасную Элишку Пршемысловну. В хронике Мариньолы историко-символическая симметрия этих двух пар — Либуше и Пршемысла и Элишки и Йоганна — представлена чрезвычайно наглядно, что акцентировало историческую преемственность новой династии от старой²⁰. В «Уложении о коронации чешских королей», составленном при прямом участии Карла IV, акцентируется древнечешская традиция выборов монарха «всеми чехами», становящаяся теперь подобием театрализованного обряда. Реанимируются лапти Пршемысла-пахаря, реально фигурировавшие в церемонии коронации Карла чешской короной. Все это служит знаками приобщения нового монарха не просто к пршемысловской государственной традиции, но к самым ее истокам. Такая актуализация исторической памяти чехов и ее символов для Карла IV, сына «короля-иностранца», как чехи называли его отца, означала дополнительную легитимацию его собственной власти, представляемой как континуитет чешской этно-государственной традиции.

Эту задачу, но уже в государственно-религиозном отношении, выполняло дальнейшее развитие культа св. Вацлава. Карл IV сам пишет новое житие святого, подчеркивая свою родственную и духовную связь с ним, создает новые места почитания св. Вацлава. К ним прежде всего относится капелла св. Вацлава с гробницей святого, находящаяся на почетном месте в соборе св. Вита на Пражском Граде, выстроенная и украшенная со всем великолепием в новом для Чехии готическом стиле. В замке Карлштейн лестница, ведущая к главной святыне — капелле св. Креста — украшается фресками на тему жития св. Вацлава. Своего первого сына Карл IV называет Вацлавом. Много делается для пропаганды культа чешского святого в германских землях Империи. Формируется иконография святого. Именно При Карле IV благодаря его целенаправленным усилиям культ главного чешского святого достигает своего апогея. Сама чешская корона стала называться святовацлавской и храниться в капелле св. Вацлава на реликварии в виде головы святого, содержащего внутри его череп. Она считалась собственностью не короля, а храма св. Вита, т. е. церкви как институции²¹. Такая сакрализация главного предмета-символа верховной светской власти — короны — выражала симфонию этнического, государственного и церковного элементов чешского самосознания.

Культ св. Вацлава дополнялся культом других «национальных» святых: бабушки св. Вацлава княгини Людмилы, пражского епископа Войтеха, аббата Сазавского монастыря со славянским богослужением Прокопа. К ним добавился культ солунских братьев Кирилла и Мефодия, канонизированных в католицизме по инициативе Карла IV. Они также стали патронами Чешского королевства. Последнее обстоятельство актуализировало кирилло-мефодиевское наследие и инкорпорировало его в чешскую историко-церковную традицию, что также соответствовало рассказам хроник круга Карла IV о деятельности (мифической) солунских братьев в Чешском княжестве. Все перечисленные святые чешские патроны (кроме Людмилы) как таковые фигурируют в патронии основанного Карлом IV в Праге монастыря На Слованех, куда из Хорватии были приглашены католические монахи, сохранившие глаголическую письменность и церковнославянский язык литургии. Этот монастырь, позднее названный Эммаусским, своей спецификой дополнил и расширил чешскую историческую традицию, обогатив

---

²⁰ Мельников Г. П. Чешский политический эрос: Мифополилогемы Средневековья // Национальный эрос и культура. М., 2002. Т. 1. С. 259–271.

²¹ Kuthan J., Royt J. Karel IV. S. 627–636.

ее воспоминанием о началах христианства в Великой Моравии, наследником которой в государственном и церковном смысле, согласно идеологеме «переноса империи» и «переноса веры», считала себя Чехия²².

В итоге при Карле IV произошло расширение, укрепление и повышение уровня чешского самосознания²³. Принципиально новым элементом чешской идентичности становится богоизбранность. Именно она стала одной из основ раннереформационного движения в Чехии конца XIV – первой трети XV в., называемого гуситским движением или гуситской революцией. Она в свою очередь нанесла серьезный удар по всему комплексу чешской идентичности, сложившемуся к концу XIV в.

В нашу задачу не входит анализ реформационной идеологии гусизма. Для нашей темы важны лишь следующие его аспекты. Гуситы осознают себя как богоизбранный коллектив и противопоставляют себя чехам-католикам. Однако при этом они позиционируют себя как «чешский народ». На первом этапе гуситского движения, когда оно развивалось в рамках ученых диспутов и пропаганды реформационной доктрины, в сильной мере отразилась мифическая история происхождения чехов от славных народов древности, разработанная хронистами эпохи Карла IV. Так, сподвижник Яна Гуса Иероним Пражский заявил на диспуте в Пражском университете, что всем известно о происхождении чехов от древних греков. Более того, чешский народ является богоизбранным. Он на латыни характеризует его как «*sacrosancta natio bohémica*». Поэтому, считает Иероним Пражский, чехи не могут быть еретиками. Кто обвиняет их в ереси, тот сам еретик, клеветующий на «наисвятейший народ чешский»²⁴. Стремление «гуситской партии» в Пражском университете к доминированию в нем привело к принятию знаменитого Кутногорского декрета 1409 г., по которому «чешская нация» получила в совете университета три голоса из четырех. Победа чехов привела к конфронтации с немецкой частью университета и не могла не усилить их этническое самосознание.

В начале второго периода движения гуситы надеялись на распространение своего реформационного учения и церковной практики по всему западнохристианскому миру. В этом также можно видеть отголосок представления о Праге как о новом центре христианства в реальном и мистическом измерении. Поэтому появляется тезис о том, что Бог явил свою истину прежде всего чешскому народу. Поэтому чехи по примеру апостолов должны распространять истинную веру по всему свету²⁵. Гуситское движение приняло милитаристический характер в ходе Гуситских войн, включая т. н. прелестные походы в другие земли с агитационными целями, которые на практике оборачивались прямой интервенцией с сопутствующими негативными явлениями.

Гусизм сформировал новую идеологему, которую можно назвать этно-конфессиональной²⁶, придавшей реформационному движению характер реального воплощения чеш-

---

²² *Žemlička J.* Čechy v době knížecí. S. 394; *Мельников Г. П.* Политический миф в чешской хронистике. («Перенесение веры» из Великой Моравии в Чехию в хрониках XIV–XVI веков) // *Культура и история. Славянский мир.* М., 1997. С. 159–170.

²³ *Мельников Г. П.* Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. С. 214.

²⁴ *Мельников Г. П.* Этническое самосознание чехов и национальные проблемы Чехии в гуситскую эпоху // *Этническое самосознание славян в XV столетии.* М., 1995. С. 89.

²⁵ Там же. С. 93–96.

²⁶ *Šmahel F.* *Idea národa v husitských Čechách.* České Budějovice, 1971. S. 178.

ской богоизбранности. Поэтому для гуситов потеряли свое значение такие составные элементы идентичности, как историческое сознание, государственная принадлежность и церковная традиция. В резко негативном отношении гуситов к культуре святых, однако, есть определенное исключение, касающееся св. Вацлава и других земских святых. Их культ значительно редуцируется, но не исчезает совсем²⁷. В полной мере этот культ сохраняется и даже актуализируется частью чешского общества, оставшейся католической, прежде всего крупным дворянством (панами) и рядом городов.

Гуситская революция расколола все чешское общество по конфессиональному признаку, грань прошла вертикально по всем слоям социума. Поэтому в полемической литературе гуситского периода встал вопрос о чешском этническом самосознании. Кто есть чехи? Каждая из сторон утверждала, что истинные чехи именно они. Победа гусизма и его официальное утверждение в статусе земского закона (Базельские компактаты) создали в Чешском королевстве совершенно новую ситуацию. Оно стало, по выражению современников, «королевством раздвоенного народа»²⁸.

В этой ситуации на первый план для королевской власти выходит чисто политическая задача сохранения баланса сил, что успешно выполняется «гуситским королем» Иржи из Подебрад и последующими королями вплоть до начала XVII в. Идеологема политического единства чешского общества, расколотого конфессионально, но объединяемого институтами светской власти (от городского самоуправления до монарха), выдержала серьезное испытание на прочность в XVI в., когда значительно увеличилось число некаатолических конфессий в Чешском королевстве в связи с начавшейся в Европе Реформацией и расколом под ее влиянием гуситской церкви, а также с резкой активизацией Общины чешских братьев. К этому следует добавить конфессионализацию чешской сословной политики.

Основное чешское историческое сочинение XVI в. — «Чешская хроника» Вацлава Гаека — имела своей сверхзадачей консолидацию чешского общества на основе исторической традиции и возвеличивания чешской истории. Второй аспект детерминировал такие специфические черты данного сочинения, как обилие псевдоисторических вымыслов и повышение статуса многих событий и исторических персонажей. Гаек, будучи католическим каноником, тем не менее положительно характеризует деятельность Яна Гуса и антинемецкий, т. е. патриотический аспект Гуситских войн. Это, безусловно, должно было содействовать инкорпорированию истории гусизма в общечешскую историю и тем самым вело к сплочению чешского общества. Хроника Гаека, как известно, действительно стала самым популярным историческим чтением в чешском обществе вплоть до конца XVIII в.²⁹

Одновременно в исторических сочинениях авторов XVI – начала XVII в., принадлежавших к левой части гуситской церкви (новоутраквисты) или к Общине чешских братьев, появляется новый исторический миф о преемственности гуситской веры по отношению к православию («греческой вере»). Утверждалось, что «истинная христианская вера» была принесена на будущую территорию Чешского государства свв.

---

²⁷ Halama O. Otázka svatých v české reformaci. Brno, 2002.

²⁸ Мельников Г.П. Этническое самосознание чехов и национальные проблемы... С. 107.

²⁹ Мельников Г. П. Сотворение чешского исторического мифа: Хроника Вацлава Гаека из Либочан // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 280–291.

Кириллом и Мефодием, а затем, после победы католицизма, она существовала подпольно в лесах и замках некоторых феодалов, несмотря на гонения католической церкви. Эту веру вывел на новый уровень Ян Гус, за что и был казнен католиками. Этот миф о православных истоках гусизма затем оказал решающее влияние на концепцию гусизма русских славянофилов³⁰ и продолжает жить до сих пор, проявляясь прежде всего в сочинениях по истории церкви, написанных православными авторами, в журналистике и СМИ православного направления. Для самой же чешской идентичности этот миф означал подтверждение истинности «гуситской веры» очень давней исторической традицией.

Начавшаяся после поражения чешского сословного антигабсбургского восстания 1618–1620 гг. рекактолизация Чешского королевства, вовлеченного в Тридцатилетнюю войну, вновь основательным образом трансформировала чешскую идентичность. Сначала, в 1620-е гг., рекактолизация привела к массовой эмиграции гуситов и чешских братьев из среды шляхты и бюргерства. Эта протестантская часть чешской культуры и социума, оказавшись в иностранном окружении, постепенно утратила, уже во втором-третьем поколении, свою чешскую идентичность. Характерным примером могут служить потомки великого педагога и философа, последнего епископа Общины чешских братьев Я. А. Коменского, последнюю часть своей жизни проведшего в Голландии³¹.

Оставшиеся в Чешском королевстве сторонники гуситской конфессии были вынуждены перейти в католичество. Подчеркнем, что рекактолизация проходила мирным путем, без массовых репрессий, что, безусловно, содействовало новому сплочению чешского общества.

Формируется новый вариант чешской идентичности, складывающийся в условиях торжества католицизма и фактической утраты Чехией государственной независимости, исчезновения коренного чешского дворянства и замены его «интернациональным» дворянством — офицерами армии Габсбургов, состоявшей из представителей разных народов. Постепенно нарастает объективно идущий во всей империи Габсбургов процесс германизации. Параллельно проходят гонения, организованные чешскими иезуитами, на книги, написанные на чешском языке, так как все они априорно подозреваются в гуситской ереси.

Одновременно идут противоположные процессы, способствующие возникновению специфических черт чешской ментальности и идентичности в эпоху барокко. Под влиянием военного поражения и активной интеграции в империю Габсбургов чехи изменяют свой ментальный тип с воина-гусита и убежденного активного сторонника своей конфессии на простого человека, в обстоятельствах угнетения вынужденного подчиняться новым, чужим для него властям, приспособляться к новым, неблагоприятным для него политическим, социальным, языковым и культурным условиям, имея в виду великую цель сохранения своей этно-языковой идентичности. Эту миссию чешский народ достойно выполнил, что позволило в начале XIX в. начаться

---

³⁰ Лантева Л. П. 1) Русская историография гуситского движения. М., 1978. С. 27–100; 2) Община чешских братьев в русской историографии XIX – начала XX вв. // Лантева Л. П. История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX–XX вв. СПб., 2013. С. 84–121.

³¹ Kumpěra J. Jan Amos Komenský. Ostrava, 1992. S. 176.

языковому и культурно-политическому процессу, получившему название Национальное возрождение (obrození). Чехи стали считать себя «бессмертным народом» («nesmrtelný národ»).

Новации в сфере чешской идентичности затронули как религиозную, так и светскую сферу. Рекактолизация, уничтожая остатки гусизма, создала новую культуру, присущую католическому барокко. Иезуиты, к которым перешел Пражский университет, организуют там специальное книжное издательство имени св. Вацлава, которое публикует на чешском языке религиозную литературу, предназначенную для народа. Новый взлет переживает культ св. Вацлава и других земских святых, включая Кирилла и Мефодия (особенно в Моравии). Формируется особый тип патриотизма, называемый земским, так как он охватывает все этносы, проживающие на данной земле, и направлен на ее прославление. Для Чехии, где произошла замена собственного дворянства на интернациональное и значительно усилился немецкий элемент в городах, это было особенно важно. Новых исторических хроник не возникает, но доминирующее положение продолжает занимать «Чешская хроника» Вацлава Гаека с ее восхвалением чешской истории. Появляются новые сочинения, воспевающие Чешскую землю. К ним в первую очередь следует отнести многотомное издание энциклопедического типа, написанное чешским иезуитом и патриотом Богуславом Бальбином, отстаивавшим также права чешского языка³².

Возникший новый тип барочной религиозности с его красочными обрядами, блеском барочной архитектуры, искусства и музыки вытеснил из народного сознания гуситскую традицию, из-за которой Чехия считалась в Европе, включая Россию, «страной еретиков». После рекактолизации понадобилась также церковная реабилитация чешского народа. Происходит тотальное заполнение чешского ландшафта сакральными объектами — монастырями, паломническими центрами, костелами, часовнями, придорожными часовнями и статуями святых, моровыми столпами на площадях городов и местечек и т. д. Католицизм в эпоху барокко пустил очень глубокие корни в чешскую культуру включая народную, что позволяет говорить о «народном католицизме» эпохи барокко. Соединением «народного католицизма» с тенденцией реабилитации чехов, поддержанным церковными и светскими властями, стало движение за канонизацию Яна Непомуцкого, успешно завершившееся в 1729 г. Это реально существовавший человек, духовник королевы Софии, жены Вацлава IV, и секретарь Пражского архиепископа, замешанный в придворных интригах, тайно умерщвленный и сброшенный с Карлова моста во Влтаву в 1393 г. В эпоху барокко он стал олицетворять стойкость и независимость католической церкви по отношению к светской власти, он представал как народный заступник, покровитель всех переходящих через реку, к тому же этнический чех из небогатой семьи. Культ св. Яна Непомуцкого распространялся католической церковью по всему миру от Великого княжества Литовского до Южной Америки. В итоге в Чехии он действительно стал наряду со св. Вацлавом наиболее почитаемым святым, о чем в частности свидетельствует огромное количество статуй святого, стоящих по всей стране³³.

---

³² Мельников Г. П. Богуслав Бальбин — чешский иезуит, эрудит, патриот XVII века // Человек XVII столетия. М., 2005. Ч. 2. С. 94–99.

³³ Мельников Г. П. Иоанн Непомуцкий // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24. С. 456–459.

Все указанные факторы способствовали не только возвращению чехов в лоно католицизма, но и новому утверждению их выдающегося положения в католическом универсуме. Эту идеологему я предлагаю назвать «возвращением блудного сына» из чешской реформации в родную церковно-историческую традицию, какой она сформировалась к началу гуситского движения. Историческая ретроспекция здесь являлась утверждением ценности чешскости, негативно трансформированной гусизмом.

В эпоху барокко изменился субъект чешской идентичности, т. е. состав ее носителей. В связи с практическим исчезновением социальных слоев чешской шляхты и гуситского духовенства, которые в XVI в. являлись ее основными носителями наряду с чешским бюргерством, эта роль переходит к интеллигенции, состоящей из образованного католического духовенства, городских и сельских канторов — школьных учителей, руководителей музыки в костелах и школах, композиторов и поэтов в одном лице, провинциальных «письмаков» — полународных литераторов, служащих городских и панских канцелярий. Чешское крестьянство сохраняет свой язык, свою народную культуру, новый стилистический образ которой придает барокко. В изменяющихся исторических условиях трансформации чешской идентичности объективно были направлены на сохранение языковой и этно-культурной целостности в том универсуме, который представляла собой империя Габсбургов.

Данные о статье

Автор: Мельников, Георгий Павлович — кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, geramel@mail.ru

Заголовок: Исторические трансформации чешской идентичности: от Средневековья к Новому времени

Резюме: Идеологема чешской этно-государственной и исторической идентичности формируется несколько раньше, чем у других средневековых этносов, — в XI–XII в. Чешский социум понимается как единый этно-государственный организм, в основе которого лежит историко-генетическое и этатизационно-национальное предание («призвание Пршемысла-пахаря»), не имеющее аналогов в идеологии этатизационных процессов в остальной Европе. Культ святого князя Вацлава придает чешской идентичности сакрально-государственный аспект. В XIV в. при Карле IV Чехия становится новым государственным и сакральным центром Европы, формируется идеологема чешской богоизбранности. Гуситское движение XV в. трансформирует эту идеологему в этно-конфессиональную. Гусизм расколол чешское общество, что отразилось в его идентичности: возник «раздвоенный народ». Рекатолизация Чехии в XVII в. вновь трансформирует чешскую идентичность. Возникает идеологема «возвращения блудного сына» от реформации в лоно католицизма, что приводит к формированию особого типа чешского самосознания. Оно детерминировано утратой чешской государственности, барочной религиозностью и «народным католицизмом», земским патриотизмом и стремлением сохранить этно-культурную идентичность в универсуме империи Габсбургов.

Ключевые слова: чехи, идентичность, самосознание, история, Средневековье, Новое время

Литература, использованная в статье

Halama, Ota. Otázka svatých v české reformaci. Brno: Masrykova univerzita, 2002. 252 s.

Kosmova Kronika česká. Praha: Svoboda, 1972. 264 s.

Kubín, Petr. Znovu o Kristiána // Od knížat ke králům. Sborník u příležitosti 60. narozenin Jozefa Žemličky. Praha: Lidové noviny, 2007. S. 63–72.

Kubinová, Kateřina. Imitatio Romae. Karel IV. a Řím. Praha, Artefactum, 2006. 444 s.

Kumpera, Jan. Jan Amos Komenský. Ostrava: Svoboda, 1992. 376 s.

Kuthan, Jiří; Royt, Jan. Karel IV. Císař a český král — vizionář a zaklaatel. Praha: Lidové noviny, 2016. 1062 s.

Magister Theodoricus. Dvorní malíř císaře Karla IV. Umělecká výzoba posvatných proctor hradu Karlštejna. Praha: Národní galerie, 1997. 624 s.

Pokračovateli Kosmovi. Praha: Svoboda, 1974. 256 s.

- Přemyslovci. Budování českého státu / Eds. P. Sommer, D. Třeštík, J. Žemlička. Praha: Lidové noviny, 2009. 780 s.
- Svatý Václav. Na památku 1100. výročí narození knížete Václava Svátého. Praha: Univerzita Karlova, 2010. 452 s.
- Šmahel, František. Idea národa v husitských Čechách. České Budějovice: Růže, 1971. 230 s.
- Třeštík, Dušan. Deset tezí o Kristiánově legendě // Folia Historica Bohemica. 2. Praha: Historický ústav ČSAV, 1980. S. 7–38.
- Třeštík, Dušan. Mýty kmene Čechů. Praha: Lidové noviny, 2008. 292 s.
- Žemlička, Josef. Čechy v době knížecí. Praha: Lidové noviny, 2007. 712 s.
- Круглый стол «Этническая идентичность в странах Центральной и Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 243–245.
- Лаптева, Людмила Павловна. История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX–XX вв. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. 528 с.
- Лаптева, Людмила Павловна. Русская историография гуситского движения. Москва: Издательство Московского университета, 1978. 340 с.
- Мельников, Георгий Павлович. Богуслав Бальбин — чешский иезуит, эрудит, патриот XVII века // Человек XVII столетия. Москва: ИВИ РАН, 2005. Ч. 2. С. 94–99.
- Мельников, Георгий Павлович. Иоанн Непомуцкий // Православная энциклопедия. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. Т. 24. С. 456–459.
- Мельников, Георгий Павлович. Политический миф в чешской хронистике. («Перенесение веры» из Великой Моравии в Чехию в хрониках XIV–XVI веков) // Культура и история. Славянский мир. Москва: Индик, 1997. С. 159–170.
- Мельников, Георгий Павлович. Проблема национально-культурной идентичности в самосознании чешской культуры начала XXI в. // *Obraz človeka v súčasnej slovanskej dramatickej literature* / Ed. D. Podmáková. Bratislava: Slovenská akadémia vied, 2013. S. 56–70.
- Мельников, Георгий Павлович. Сотворение чешского исторического мифа: Хроника Вацлава Гаека из Либочан // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. Москва: РОССПЭН, 2012. С. 280–291.
- Мельников, Георгий Павлович. Чешская общественная мысль XIV в. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого средневековья. Москва: Языки славянской культуры, 2014. С. 355–430.
- Мельников, Георгий Павлович. Чешская этатизационная легенда в средневековой хронистике // Вестник славянских культур. 2014. № 2. С. 9–31.
- Мельников, Георгий Павлович. Чешский политический эрос: Мифополитологиемы Средневековья // Национальный эрос и культура. Москва: Ладомир, 2002. Т. 1. С. 259–271.
- Мельников, Георгий Павлович. Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. Москва: Наука, 1989. С. 205–215.
- Мельников, Георгий Павлович. Этническое самосознание чехов и национальные проблемы Чехии в гуситскую эпоху // Этническое самосознание славян в XV столетии. Москва: Наука, 1995. С. 77–112.
- Петрухин, Владимир Яковлевич. Пахарь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Москва: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 650–652.

Information about the article

Author: Mel'nikov, Georgiy Pavlovich — Ph. D. in History, Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, geramel@mail.ru

Title: Historical transformations of the Czech identity: from the Middle Ages to the early Modern Era

Summary: Concept of the Czech ethnic, state and historical identity had been formed in the 11th–12th centuries, earlier than that of the other European nations. Czech society was realized as integral ethnic-state organism based on the historical legend about Czech genesis and building of the state power (fore-father Czech and so called vocation of Přemysl the Ploughman). This legend is unique in the European state ideology. Saint Václav cult added the aspect of unity of the sacral, church and state spheres to Czech identity. In the 14th century, the Charles IV epoch, Czech kingdom became the new state and religious center of the Holy Roman Empire and Europe. This elevation transformed Czech self-consciousness to higher level. New feature of Czech ideology was formed it is the idea of God-elect Czech nation. The Hussite ideology in the 15th century transformed this idea to the ethnic-confessional form. The Hussite revolution disrupted Czech

society into two confessional groups and delivered a blow to the Czech identity as integral medieval nation. Recatholicisation of the Czech Lands in the Baroque epoch transformed Czech identity again and much more. Czech mentality was changed. New idea of the returning of the hussite prodigal son to Catholicism was formed. In the conditions of the integration into Habsburg Empire, developing of the so called land patriotism and people catholic Christianity created Jan Nepomucký as a new Czech national saint, Czechs preserved their language and ethnic and cultural identity.

Keywords: Czechs, identity, self-consciousness, history, Middle Ages, New Time

References

- Halama, Ota. *Otázka svatých v české reformaci [The saints in Czech Reformation]*. Brno: Masarykova univerzita Press, 2002. 252 p. (in Czech).
- Kruglyj stol «Etnicheskaya identichnost' v stranakh Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy v Srednie veka i rannee Novoe vremya» [Round table «Ethnic identity in the Central and East Europe countries in Middle Ages and early New Time»], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). P. 243–245 (in Russian).
- Kubín, Petr. Znovu o Kristiána [Again about Kristián], in *Od knížat ke králům. Sborník u příležitosti 60. narozenin Jozefa Žemličky*. Praha: Lidové noviny Publ., 2007. P. 63–72 (in Czech).
- Kubinová, Kateřina. *Imitatio Romae. Karel IV. a Řím [Imitatio Romae. Charles IV and Rome]*. Praha: Artefactum Publ., 2006. 444 p. (in Czech).
- Kumpera, Jan. *Jan Amos Komenský*. Ostrava: Svoboda Publ., 1992. 376 p. (in Czech).
- Kuthan, Jiří; Royt, Jan. *Karel IV. Císař a český král — vizionář a zaklaatel [Charles IV. The emperor and the Czech king — the visioner and the founder]*. Praha: Lidové noviny Publ., 2016. 1062 p. (in Czech).
- Lapteva, Lyudmila Pavlovna. *Istoriya zapadnykh i yuzhnykh slavyan v osveshchenii russkoy istoriografii XIX–XX vv. [History of West and South Slavs in Russian historiography in the 19th–20th centuries]*. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2013. 528 p. (in Russian).
- Lapteva, Lyudmila Pavlovna. *Russkaya istoriografiya gusitskogo dvizheniya [Russian historiography of the Hussite movement]*. Moscow: Moscow State University Press, 1978. 340 p. (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Boguslav Balbin — cheshskiy iezuit, erudit, patriot XVII veka [Bohuslav Balbin. Czech Jesuit, erudit, patriot of the 17th century], in *Chelovek XVII stoletiya [A man of the 17th century]*. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Press, 2005. Vol. 2. P. 94–99 (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Ioann Nepomutskiy [John Nepomuk], in *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Moscow: The Church Research Center «Orthodox Encyclopedia», 2010. Vol. 24. P. 456–459 (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Politicheskyy mif v cheshskoy khronistike. («Perenesenie very» iz Velikoy Moravii v Chekhiyu v khronikakh XIV–XVI vekov) [Political myth in the Czech chronicles. «The transfer of faith» from the Great Moravia to Bohemia in the chronicles of the 14th–16th centuries], in *Kul'tura i istoriya. Slavyanskiy mir [Culture and History. Slavic world]*. Moscow: Indrik Publ., 1997. P. 159–170 (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Problema natsional'no-kul'turnoy identichnosti v samosoznanii cheshskoy kul'tury nachala XXI v. [Problem of the national cultural identity in the Czech culture self-consciousness of the beginning of the 21st century], in Podmáková, Dagmar (ed.). *Obraz človeka v súčasnej slovanskej dramatickej literatúre [The image of a man in modern Slavic dramatic literature]*. Bratislava: Slovenská akadémia vied Press, 2013. P. 56–70 (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Sotvorenie cheshskogo istoricheskogo mifa: Khronika Vatslava Gaeka iz Libochan [The creation of the Czech historical myth: Chronicle of Václav Hajek z Libočan], in *Istoricheskaya pamyat' v kul'ture epokhi Vozrozhdeniya [Historical memory in the culture of the Renaissance]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012. P. 280–291 (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Cheshskaya obshchestvennaya mysl' XIV v. [Czech social thought of the 14th century], in *Obshchestvennaya mysl' v Rossii i drugikh slavyanskikh stranakh v epokhu razvitoego srednevekov'ya [Social thought in Russia and other Slavic countries in the era of the developed Middle Ages]*. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2014. P. 355–430 (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Cheshskaya etatizatsionnaya legenda v srednevekovoy khronistike [Czech state legend in medieval chronicles], in *Vestnik slavyanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*. 2014. № 2. P. 9–31 (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Cheshskiy politicheskyy eros: Mifopolitologemy Srednevekov'ya [Czech political eros: Medieval mythotolitologems], in *Natsional'nyy eros i kul'tura [National eros and culture]*. Moscow: Ladomir Publ., 2002. Vol. 1. P. 259–271 (in Russian).

- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Etnicheskoe samosoznanie chekhov vo vtoroy polovine XIV v. [Czech ethnic self-consciousness in the second half of the 14th century], in *Razvitie etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu zrelogo feodalizma* [The development of ethnic self-consciousness of the Slavic peoples in the era of mature feudalism]. Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 205–215 (in Russian).
- Mel'nikov, Georgiy Pavlovich. Etnicheskoe samosoznanie chekhov i natsionalnye problemy Chekhii v gusitskuyu epokhu [Czech ethnic self-consciousness and national problems in Bohemia in the Hussite epoch], in *Etnicheskoe samosoznanie slavyan v XV stoletii* [Ethnic self-consciousness of the Slavs in the 15th century]. Moscow: Nauka Publ., 1995. P. 77–112 (in Russian).
- Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. Pakhar [Ploughman], in *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3. P. 650–652 (in Russian).
- Pokračovatelí Kosmovi* [Continuers of Cosmas]. Praha: Svoboda Publ., 1974. 256 p. (in Czech).
- Přemyslovci. Budování českého státu* [Přemyslovci. The creation of the Czech state]. Ed. by P. Sommer, D. Třeštík, J. Zemlička. Praha: Lidové noviny Publ., 2009. 780 p. (in Czech).
- Svatý Václav. Na památku 1100. výročí narození knížete Václava Svátého*. [Saint Václav. In memoriam of the 1100 birthday of prince Václav the Saint]. Praha: Univerzita Karlova Press, 2010. 452 p. (in Czech).
- Šmahel, František. *Idea národa v husitských Čechách* [The national idea in hussite Bohemia]. České Budějovice: Růže Publ., 1971. 230 p. (in Czech).
- Třeštík, Dušan. Deset tezí o Kristiánově legend [The ten theses on the Kristián legend], in *Folia Historica Bohemica*. 2. Praha: Historický ústav ČSAV Publ., 1980. P. 7–38 (in Czech).
- Třeštík, Dušan. *Mýty kmene Čechů* [The myths of the Czech tribe]. Praha: Lidové noviny Publ., 2008. 292 p. (in Czech).
- Žemlička, Josef. *Čechy v době knížecí* [The Czech lands in the prince era]. Praha: Lidové noviny Publ., 2007. 712 p. (in Czech).